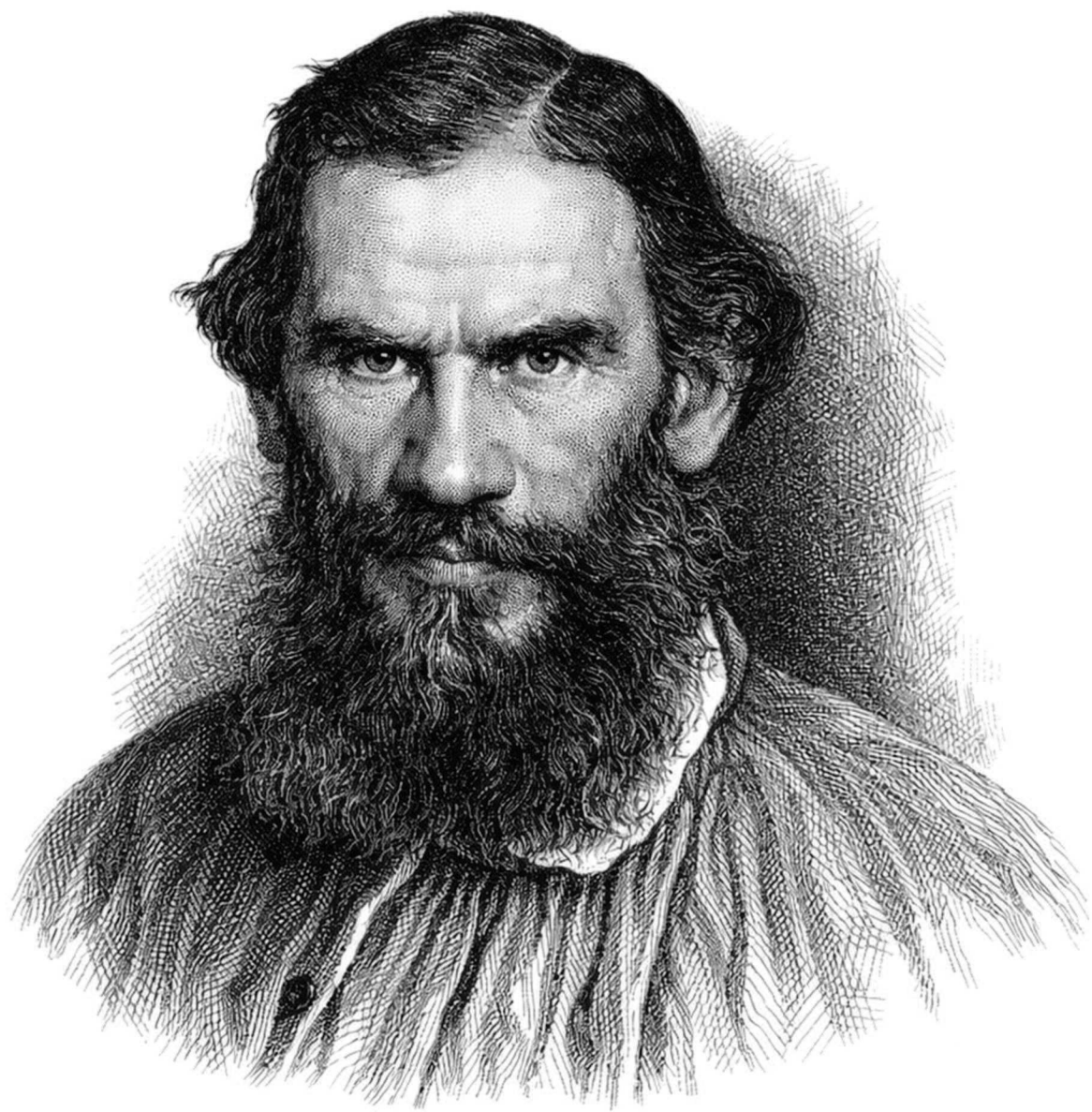

Толстой Лев Николаевич

**Дневники Толстого.
1847-1910**

**Москва
«Архив Паблица»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Лев Николаевич**
Дневники Толстого. 1847-1910 / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 675 с.

ISBN 978-5-521-93245-0

Дневники великого писателя Льва Толстого. Книга позволяет представить и драматические коллизии личной жизни писателя, и его мощное воздействие на духовную жизнь русского общества и всего мира.

Вот выдержки из дневника жизни писателя, который также, как и мы все, часто сталкивался с трудностями преодоления лени, последствиями своего характера и искал способы стать лучше.

«4 июня 1856 года. Встал в 5, гулял, признаюсь, с ужасно эротическими мыслями. Читал первые стихотворения Пушкина. Потом разбирал свои старые тетради, непонятная, но милая дичь»

«6 сентября 1854 года. Важнее всего для меня в жизни исправление от лени, раздражительности и бесхарактерности. Любовь ко всем и презрение к себе!»

«11 июля 1854 года. Только перед вечером написал очень мало. Почему? Лень, нерешительность и страсть смотреть свои усы и фистулы. За что и делаю себе два упрека»

«Декабрь 1853 — январь 1854 года. «Дурно ли, хорошо — всегда работать», «Вставать до восхода солнца», «Писать всегда и все четко и ясно», «С утра определять занятия на день и стараться исполнять их»

ISBN 978-5-521-93245-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026
© Толстой Лев Николаевич, 2026

Дневник - 1847

17 марта. [Казань.] Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собою. [...] Здесь я совершенно один, мне никто не мешает, здесь у меня нет услуги, мне никто не помогает следовательно, на рассудок и память ничто постороннее не имеет влияния, и деятельность моя необходимо должна развиваться. Главная же польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души.

Уединение равно полезно для человека, живущего в обществе, как общественность для человека, не живущего в оном. Отделись человек от общества, взойди он сам в себя, и как скоро скинет с него рассудок очки, которые показывали ему все в превратном виде, и как уяснится взгляд его на вещи, так что даже непонятно будет ему, как не видал он всего того прежде. Оставь действовать разум, он укажет тебе на твое назначение, он даст тебе правила, с которыми смело иди в общество. Все, что сообразно с первенствующею способностью человека - разумом, будет равно сообразно со всем, что существует; разум отдельного человека есть часть всего существующего, а часть не может расстроить порядок целого. Целое же может убить часть. Для этого образуй твой разум так, чтобы он был сообразен с целым, с источником всего, а не с частью, с обществом людей; тогда твой разум сольется в одно с этим целым, и тогда общество, как часть, не будет иметь влияния на тебя.

Легче написать десять томов философии, чем приложить какое-нибудь одно начало к практике.

18 марта. Я читал "Наказ" Екатерины, и, так как дал себе вообще правило, читая всякое сурьезное сочинение, обдумывать его и выписывать из него замечательные мысли, я пишу здесь мое мнение о первых шести главах этого замечательного произведения.

[...] Понятия о свободе под правлением монархическим суть следующие: свобода, говорит она, есть возможность человека делать все то, что он должен делать, и не быть принужденным делать то, что не должно делать. Я бы желал звать, что понимает она под словом должно и не должно; ежели она разумеет под словом, что должно делать, естественное право, то из этого ясно следует, что свобода может только существовать в том государстве, в законодательстве которого право естественное ни в чем не разнствует с правом положительным мысль совершенно верная. [...]

19 марта. Во мне начинает проявляться страсть к наукам; хотя из страстей человека эта есть благороднейшая, но не менее того я никогда не предамся ей односторонне, т. е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложением, единственно стремясь к образованию ума и наполнению памяти. Односторонность есть главная причина несчастий человека. [...]

21 марта. В X главе излагаются основные правила и опаснейшие ошибки, касающиеся до уголовного судопроизводства.

В начале этой главы она задает себе вопрос. Откуда происходят наказания и откуда происходит право наказывать? На первый вопрос она отвечает: "Наказания

происходят от необходимости охранения законов". На второй отвечает тоже весьма остроумно. Она говорит: "Право наказывать принадлежит одним законам, а делать законы может только монарх, как представитель всего государства". Во всем этом "Наказе" представляются нам постоянно два разнородные элемента, которые Екатерина постоянно хотела согласить: именно, сознание необходимости конституционного правления и самолюбие, то есть желание быть неограниченною властительницей России. Например, говоря, что в монархическом правлении только монарх может иметь законодательную власть, она принимает существование этой власти за аксиому, не упоминая происхождения ее. Низшее правительство не может накладывать наказаний, ибо оно есть часть целого, а монарх имеет это право, ибо он есть представитель всех граждан, говорит Екатерина. Но разве представительство государем народа в неограниченных монархиях есть выражение совокупности частных, свободных волей граждан? Нет, выражение общей воли в неограниченных монархиях есть следующее: я терплю зло меньшее, ибо если бы не терпел его, подвергнулся бы злу большему.

24 марта. Я много переменился; но все еще не достиг той степени совершенства (в занятиях), которого бы мне хотелось достигнуть. Я не исполняю того, что себе предписываю; что исполняю, то исполняю не хорошо, не изошряю памяти. Для этого пишу здесь некоторые правила, которые, как мне кажется, много мне помогут, ежели я буду им следовать. 1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что. 2) Что исполняешь, исполняй хорошо. 3) Никогда не справляйся в книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить. 4) Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою. 5) Читай и думай всегда громко. 6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели он не понимает, то извинись и скажи ему это. Сообразно с вторым правилом, я хочу непременно кончить комментировать весь наказ Екатерины.

[...] В главе XIII говорится о рукоделиях и торговле. Справедливо замечает Екатерина, что земледелие есть начало всякой торговли и что в той земле, где люди не имеют своей собственности, земледелие процветать не может; ибо люди обыкновенно больше пекутся о вещах, им принадлежащих, чем о вещах, которые от них могут быть всегда отняты. Вот причина, по которой в нашем отечестве земледелие и торговля процветать не могут до тех пор, покуда будет существовать рабство; ибо человек, подвластный другому, не только не может быть уверен постоянно владеть своею собственностью, но даже не может быть уверен в своей собственной участи. Потом: "Искусным земледельцам и ремесленникам должно давать премии". По моему мнению, в государстве равно необходимо наказывать зло, как вознаграждать добро.

25 марта. Недостаточно отвращать людей от зла, нужно еще их поощрять к добру. Далее она говорит, что тех народов, которые по климату ленивы, надо приучать к деятельности отнятием у них всех способов пропитания, исключая труда; замечает тоже, что эти народы обыкновенно бывают склонны к гордости, и что самая эта гордость может служить орудием к истреблению лени. Народы, по климату ленивые, всегда бывают одарены пылкими чувствами, и ежели бы они были деятельны, то государство было бы несчастнее. Лучше бы сделала Екатерина, ежели бы сказала: люди, а не народы. И в самом деле, прикладывая ее замечания к частным лицам, мы найдем, что они чрезвычайно справедливы.

Потом она говорит, что в многонаселенных странах машины, заменяющие руки работников, часто не нужны и пагубны, а что для вывозимых рукоделий чрезвычайно нужно употреблять машины, ибо те народы, которым мы продаем их, могут купить такие же товары у соседственных народов.

Я думаю совершенно напротив, машины для рукоделий, внутри государства обращающихся, бесконечно полезнее машин для рукоделий вывозимых товаров. Ибо машины для рукоделий общепользны, сделав эти рукоделия много дешевле, улучшили бы состояние граждан вообще; между тем как вывозимые товары приносят выгоды только одним частным лицам. Мне кажется, что причина бедности низшего класса в Англии есть та, что: во-первых, он не имеет поземельной собственности, и, во-вторых, потому, что там все внимание исключительно устремлено на торговлю внешнюю.

Весьма справедливо говорит Екатерина, что великое зло для торговли суть монополии. По моему мнению, монополия есть зло и притеснение торговле, купечеству и самим гражданам. Для торговли это есть зло потому, что ежели бы монополии не существовало, то вместо одного лица или компании, занимающейся этой частью торговли, занимались бы ею большее число торгующих. Для купечества потому, что оно лишено участия в этой части торговли. И для граждан потому, что каждый монопол дает как бы свои законы гражданам. К несчастью, это зло в нашем отечестве пустило глубокие корни.

Далее Екатерина говорит о том, что весьма бы было полезно устроить банк; но, чтобы граждане не сомневались в неприкосновенности этого банка, нужно, чтобы он был учрежден при каком-нибудь благотворительном заведении.

Чрезвычайно странны многие мысли Екатерины; она постоянно хочет доказать, что, хотя монарх не ограничен ничем внешним, он ограничен своей совестью; но ежели монарх признал себя, вопреки всем естественным законам, неограниченным, то уже у него нет совести, и он ограничивает себя тем, чего у него нет. Потом Екатерина старается доказать, что ни монарх, ни благородные не должны заниматься торговлею. Что монарх не должен заниматься торговлею, это ясно, ибо ему не нужно бы было даже торговать, чтоб завладеть всем в своем государстве, ежели бы он этого хотел.

Но почему же благородные в России не должны торговать? Ежели бы у нас была аристократия, которая бы ограничивала монарха, то в самом деле ей бы и без торговли было бы много дела. Но у нас нет ее. Наша аристократия рода исчезает и уже почти исчезла по причине бедности; а бедность произошла оттого, что благородные стыдились заниматься торговлею. Дай бог, чтобы в наше время благородные поняли свое высокое назначение, которое состоит единственно в том, чтобы усилиться. Чем поддерживается деспотизм? Или недостатком просвещения в народе, или недостатком сил со стороны угнетенной части народа.

[...] В XV главе говорится о дворянстве. Здесь Екатерина определяет, что есть дворянство и какая обязанность его; именно, обязанностью его она полагает защищение отечества и чинение в оном правосудия. Основными правилами же его она полагает добродетель и честь. Montesquieu признавал только одну честь основанием (*principe*) всего монархического правления, она же прибавляет к ней еще добродетель; в самом деле, добродетель может быть принята за основание монархического правления. Но история доказывает нам, что этого еще никогда не было. Замечательна ее мысль о том, что никто лишить права дворянства не

может дворянина, ежели он достоин этого звания. В заключении о дворянстве она говорит, что пользоваться славой и почестями имеют право те, которых предки достойны были славы и почестей. После басни Крылова о гусях против этой ложной мысли ничего больше сказать нельзя. [...]

26 марта. В XX главе содержатся разные статьи, требующие объяснения. Сначала говорится о преступлении в оскорблении Величества. Именно - это преступление есть совокупление слов с действием, стремящееся ко вреду монарха или монархии. Например, когда гражданин выходит на площадь и возбуждает народ словами, то он наказывается, но не за слова, а за действие, которого началом или следствием были эти слова. Речи же, против правительства клонящиеся, по причине трудности доказать это преступление, не должны быть наказываемы смертью, как вообще все преступления против Величества, а просто исправительными наказаниями. Письма же такого рода должны быть наказываемы смертью. Это постановление доказывает ясно, что в деспотическом правлении монарх не может надеяться на верность граждан. Почему? Потому что, так как в деспотии нет договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность, и наоборот, а властью этой завладело одно лицо посредством силы, то и говорю я: так как такого договора в деспотии не существовало, то и обязанности со стороны граждан существовать не может.

[...] Вообще о "Наказе" императрицы Екатерины можно сказать следующее. В нем, как я уже прежде сказал, везде мы находим два противоположных начала дух революционный, под влиянием которого находилась тогда вся Европа, и дух деспотизма, от которого тщеславие ее заставляло ее не отказываться. Хотя она сознавала превосходство первого, не менее того в ее "Наказе" преобладает последний. Она республиканские идеи, заимствованные большей частью от Montesquieu (как справедливо замечает Мейер), употребляла как средство для оправдания деспотизма, но большей частью неудачно. От этого-то в ее "Наказе" нам часто встречаются мысли, нуждающиеся в доказательствах, без оных, мысли республиканские рядом с мыслями самыми деспотическими и, наконец, часто выводы, совершенно антилогические.

При первом взгляде на этот "Наказ" мы узнаем, что это был плод ума женщины, которая, несмотря на свой великий ум, на свои возвышенные чувства, на свою любовь к истине, не могла подавить своего мелочного тщеславия, которое помрачает ее великие достоинства. Вообще мы находим в этом произведении более мелочности, чем основательности, более остроумия, чем разума, более тщеславия, чем любви к истине, и, наконец, более себялюбия, чем любви к народу. Это последнее направление проявляется во всем "Наказе", в котором мы находим только одни постановления, касающиеся публичного права, то есть отношений государства (ее собственных отношений, как представительницы оно), чем гражданского, то есть отношений частных граждан. В заключение скажу, что "Наказ" этот принес больше славы Екатерине, чем пользы России.

([7] апреля. 8 часов утра.) Я никогда не имел дневника, потому что не видал никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития. В дневнике должна находиться таблица правил, и в дневнике должны быть тоже определены мои будущие деяния. Через неделю ровно я еду в деревню. Что же делать эту неделю? Заниматься английским и латинским языком, римским правом и

правилами. Именно: прочесть "Vicar of Wakefield", изучив все незнакомые слова, и пройти 1-ю часть грамматики; прочесть как с пользой для языка, так и для римского права первую часть институций, и окончить правила внутреннего образования, и отыграть потерянное лане в шахматы.

(5 апреля. 6 часов утра.) Надежда есть зло для счастливого и добро для несчастного.

Хотя я уже много приобрел с тех пор, как начал заниматься собою, однако еще все я весьма недоволен собою. Чем далее подвигаешься в усовершенствовании самого себя, тем более видишь в себе недостатков, и правду сказал Сократ, что высшая степень совершенства человека есть знать то, что он ничего не знает.

9 апреля (6 часов утра). Я совершенно доволен собою за вчерашний день. Я начинаю приобретать волю телесную; но умственная еще очень слаба. Терпение и прилежание, и я уверен, что я достигну всего, что я хочу.

17 апреля. Все это время я вел себя не так, как я желал себя вести. Причину тому было, во-первых, мой переход из клиники домой; а во-вторых, общество, с которым я стал иметь больше сношений. Из этого я заключил, что при всякой перемене положения надо очень основательно подумать о том, какие внешние обстоятельства будут иметь влияние на меня при новом положении и каким образом можно устранить это влияние. Ежели мой переход из клиники домой мог произвести на меня такое влияние, какое же влияние произведет на меня мой переход от жизни студенческой к жизни помещичьей?

Перемена в образе жизни должна произойти. Но нужно, чтобы эта перемена не была произведением внешних обстоятельств, но произведением души. Здесь мне представляется вопрос: какая цель жизни человека? Какая бы ни была точка исхода моего рассуждения, что бы я ни принимал за источник оного, я прихожу всегда к одному заключению: цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего. Начну ли я рассуждать, глядя на природу, я вижу, что все в ней постоянно развивается и что каждая составная часть ее способствует бессознательно к развитию других частей; человек же, так как он есть такая же часть природы, но одаренная сознанием, должен так же, как и другие части, но сознательно употребляя свои душевные способности, стремиться к развитию всего существующего. Стану ли я рассуждать, глядя на историю, я вижу, что весь род человеческий постоянно стремился к достижению этой цели. Стану ли рассуждать рационально, то есть рассматривая одни душевные способности человека, то в душе каждого человека нахожу это бессознательное стремление, которое составляет необходимую потребность его души. Стану ли рассуждать, глядя на историю философии, найду, что везде и всегда люди приходили к тому заключению, что цель жизни человека есть всестороннее развитие человечества. Стану ли рассуждать, глядя на богословие, найду, что у всех почти народов признается существо совершенное, стремиться к достижению которого признается целью всех людей. И так я, кажется, без ошибки за цель моей жизни могу принять сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего.

Я бы был несчастливейший из людей, ежели бы я не нашел цели для моей жизни - цели общей и полезной, полезной потому, что бессмертная душа, развившись, естественно перейдет в существо высшее и соответствующее ей. Теперь же жизнь моя будет вся стремлением деятельным и постоянным к этой одной